СМЕХАЧ

31 АВГУСТА 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

НАДЕЖНЫЙ СПОСОБ

Рис. В. Козлинского

— Как бы нам, землячок, от солнца заслониться? Жгет — моченьки нету!
— А вы, товарищи, агронома позовите: он заслонит.

СКАЗАНИЕ О СЕЛЬКОРЕ ГРИГОРИИ МАЛИНОВСКОМ И КУРКУЛЕ ПУДЕ ПУДЫЧЕ

ужицкие долы и пашни,
ога, бездорожье и падь.
Две силы на вас в рукопашной
Схватились—не мнят уступать.
Под вихрем октябрьским пригнется
Кулацкая сила к земле...
А все еще ладно живется
Тебе, толстосум, на селе.
Ох, Дымовки, Дымовки-села!
Плетень да обмерок-межа!
Бедой суходол невеселый
Тебя, землероб, обежал.
Беда не от града да тучи,
Беда не от лютой жары:
Пуд Пудычи—ох, как живучи!
Пуд Пудычи—ох, как хитры!
Проныра, прохвост и пролаза
Засядет, хихикнув тайком,
Сегодня в отдел наробраза,
Назавтра, глядишь, в волревком.
Пуд Пудыч—горластая глотка,
Пуд Пудыч—широкая кость.
Декреты он вызудил вот как.
Толкует их вкриво и вкось.
Декретов нашлет до десятка,
А в каждом, толкуй—не толкуй:
Пуд Пудычу польза да взятка,
Убыток да сброс мужику.
Пуд Пудычу любо ль придется
В покорном селе до сих пор,
Когда на беду заведется
Отважный и зоркий селькор?
Он темных угроз не боится,
В газету строчит из села.
Пуд Пудыч! Придется явиться
К ответу за сделки—дела!
Пуд Пудыч ли вытерпит шкоду?
Пуд Пудыч ли спустит врагу?
Селькора убить! Дело в воду!
С дороги долой!! Ни гу-гу.
Пуд Пудыч, не рано-ли весел?
Пуд Пудыч, не рано-ли рад?
Молва через долы и веси
К суду приведет в-аккурат.

Селькор Малиновский Григорий
Есть в Дымовке каждой у нас.
Кулаческим выродкам горе
От зорких григорьевых глаз!
И даже убитый—убитый
Селькор свое дело творит:
Идет на кулачество битвой,
И гнезда кулачьи зорит.

Дм. Четвериков.

ВОЙНА И НЕБО.

(От нашего собственного корреспондента).

Что было на земле в день объявления империалистической войны, всем известно. После всех воспоминаний, которые были напечатаны в газетах, стало известно даже вдвое или втрое больше, чем было на самом деле...

Но никто не знает, что творилось в этот день на небе. Большая была суматоха и большая была тревога.

27 июля 1924 года в беседе с вашим корреспондентом бог-Саваоф рассказал следующее:

— Вместе с пушками, как вы, вероятно, помните, загремели колокола. Наши комми-вояжеры из всех наших отделений...

Мы прервали нашего высокого (на небе живет) собеседника вопросом:

— Это какие комми-вояжеры?

— Наши попы, ксендзы, раввины, муллы. Они наш товар распространяют, мы их и зовем комми-вояжерами. Церкви, костелы, синагоги—наши отделения. У нас по-коммерчески.

Мы извинились, что прервали речь вседержителя. Он продолжал:

— Такой вопль подняли, что ангелы очумели от шума. Иисус, смиренник-то мой, прехитрая бестия, услышав шум на земле, кротко заявил:

— „Пожалуйста, говорите всем, что меня дома нет. Пусть как-нибудь в другой раз помолятся".

Машенька, конечно, сейчас в слезы и с упреками. Все своего плотника никак забыть не может. И молод-то он был. И спокойно было за ним жить. В политику не лез. Он пилил доски, а она его пилила. Хорошо было. А теперь...

Кое-как я ее успокоил. А у самого на душе очень даже не спокойно. Чует мое сердце, что дело нешуточное. Паны, так сказать, дерутся, а у хлопцев чубы трещат. Чую, что моему чубу не сдобровать...

Тут обступили святые и канючат: „Разрази их господи!" Смети их с лица земли! Растопчи их ногами"!

Противно даже стало. Лица святые, евангельски кроткие, а столько крово-жадности! Да и неудивительно: каждый святой в молодости лет был разбойником. Читали жития святых? В каждом почти житии написано: „святой такой-то, подобно святому такому-то, в младых летах был разбойником в таких-то (больше всего, египетских) лесах. Конечно, первое слово у них—„разрази", или „смети", или „растопчи".

Прогнал я святых. А с земли бешеные молитвы. Вопят монархи.

„— Ты видишь мое сердце!" — вопит Вильгельм.

„— Ты видишь мое сердце!" — стонет Николай.

„— Ты видишь мое сердце!" — убеждает Георг.

По правде говоря, я этих сердец венценосцев никогда не видал. Не любитель я заглядывать в помойные ямы... Делаю вид, что вижу, и через своих комми-вояжеров каждому обещаю победу.

Сначала все шло хорошо. Победители удваивали благодарственные молебны. Побежденные утраивали количество молитв. Отделения наши, т.-е. церкви, мечети, костелы, синагоги хорошо торговали. Святые радовались:

„Кровушки-то сколько! Много кровушки. Эх, сладко жить". Потом...

Всемогущий вздохнул.

— Потом... сами знаете, чем кончилось. Сначала земные троны затрещали, а потом и за мой принялись. А сын-то мой...

Глаза у Саваофа засверкали.

— Понимаете, какую штуку сынок мой выкинул, агнец незлобивый! Не знаете? Я, говорит, пролетарского происхождения, сын плотника, и с тобой, папаша, в сущности, ничего общего не имею. Пойду, говорит, и „живую церковь" построю. И что вы думаете, строит. Только, я думаю, что, как говорят украинцы, „дурних нема"... Старуха, конечно, с ним. Всем метрическое свидетельство показывает, что Иисус родился в хлеву...

Беседа была закончена. Прощаясь с нами, Саваоф робко заглянул нам в глаза и нерешительно спросил:

— Нет-ли у вас окурочка? От еды понемногу отвыкаю, а от курева никак не могу... Столько лет окуривали фимиамом... Привык.

Мы отвалили ему пять папирос. Саваоф пришел в такой восторг, что запел в нашу честь:

— Аллилуя! Аллилуя!

Точь-в-точь, как пели ему „Аллилуя" за всякие пустяки.

Нам жалко стало старика. До того дойти! Эх, вот она жизнь саваофская.

О. Л. Д'Ор.

Рис. Б. А.

Фабзайчик

ПО УЧЕНОМУ

— Петька, пока ты абстрактно зеваешь — коровы конкретно залезают в чужую рожь!.. Вот я возьму орудие производства да выбью из твоей головы курскую аномалию!

„НА ПРАВИЛЬНЫХ РЕЛЬСАХ“

Рис. Н. Радлова

На т. И нь, на ветке Армянск—Джанкой, мастер Кашура продает шпалы кресгьянам и отдает за плату в пользование рельсы. *(„Кр. Крым“).*

— Подавай рельсу назад! Жива-а-а! Поезд подходит, собачья твоя душа!.. Шевелись!

АГИТАЦИЯ.

1. Дыркин получает инструкцию.

Меньшевик Дыркин получил важное и ответственное поручение „обследовать Поволжье на предмет выяснения последствий недорода, не упуская случая агитации, с соблюдением, однако, надлежащей осторожности в подходе к крестьянским массам“.

2. Дыркин обследует.

Отъехав от Нижнего, Дыркин вышел в салон, посмотрел карточку буфета и подозвал оффицианта:

— Дайте цыпленка с рисом.

Цыпленка не оказалось. Дыркин занес в книжку:

— Уже от Нижнего чувствуются цепкие щупальцы голода.

Но вспомнил „надлежащую осторожность“ и на всякий случай приписал: „У агента ГПУ на пристани милое, простое лицо“.

3. Дыркин общается с массами.

К вечеру, когда свалила жара, Дыркин спустился вниз и, переставляя длинные ноги через котомки, мешки, сундучки и человеческие тела, пробрался на корму.

— И чего ходют! Бýдто наверху им тесно! Лодыри!— огрызнулся загорелый мужик с длинной пилой.

Дыркин промолчал и, споткнувшись, остановился у борта.

— Вы, гражданин, не сумлевайтесь!—одобрил Дыркина тощий мужик, сплевывая пузырь от вяленой воблы в Волгу.

— Оно, двистительно, тесно... Только понятие надо иметь: нынче, которые в шляпах да белых портках, многие по четвртому классу ездиют. Из бывших, значится.

Дыркин криво улыбнулся.

— Ну, какой-же я—бывший?.. У меня мать—крестьянин, отец—работница... И сам я тружусь.

— А чем займаетесь-то?—спросил мужик.—Учитель, что-ли?

— Учитель!—обрадовался Дыркин.—учитель!

4. Дыркин агитирует.

Когда первые шероховатости знакомства были сглажены, Дыркин спросил:

— Ну, а власть-то у вас какая?

— Какая? Известно дело, совецка.

— Нет, я не про то... Ну, как она: хорошая к вам?

— Обнакновенно как... ежели, в рассуждении чего...

— Вы не стесняйтесь!—успокоил Дыркин.—Я сам тружусь, и у меня мать из рабочих. Но, знаете, мало ли недостатков?

Конечно, во всем власть винить нельзя, а, всетаки, плохо: недород, голод, продналог всякий Вы думаете—в городе не чувствуется? Хлеб дорожает, а без хлеба как работать?

— Уж куды тут!—согласился мужик.—Без хлеба брюхо тощает.

— Ну, вот!—обрадовался Дыркин.—А рабочий не будет работать—мужик без плуга... А плуга не будет—хлеба в городе не будет, и рабочий работать не станет... Хлеба нет—плуга нет; плуга нет—хлеба нет... Голод! Смерть!

— Уж куды!—подтвердил мужик.—А в городу-то голодно?

— Ужас! Ужас!—сказал Дыркин.

Мужик вздохнул и откусил хвост у воблы.

5. Дыркин разагитировал.

Дыркин два дня агитировал, постепенно подводя мужика с воблой к мысли о необходимости свержения советской власти.

Вечером, гуляя на палубе, Дыркин проходил по галлерее над кормой. Из темноты несся голос тощего мужика:

— С кажного, значится, по куску—не сдохнем... А без городу нам пропадать. Вишь, болезный, с голодухи-то заговариваться начал: все об еде да об еде. Хошь и сами мы хлебом страдаем, ну, а не так, как в городу... Страсть слухать! А парень хороший, совецкой!

— Видать, что не сволочь!—подтвердил кто-то.—Не меньшевик какой, вихор их изломай... Положи в мешок воблы-то...

Дыркин просидел в уборной до первой пристани и, выйдя с парохода, нырнул в теплую смолу ночи.

Р. Волженин

КИТАЙ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Рис. А. Радакова

— Теперь вся штука в том, с какой ноги он встанет... Неровен час, с левой!..

МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ

— Дорогие мои товарищи, юные пиванеры, приветствую вас от всего сердца и хучь без коммунистического привета по причине беспартийности, одначе тем паче все между прочим. Христос, ребятенки, с вами. Только вот вам, мальцы, наказ. Как я был в городе и отвозил пакеты, то вот этот мячик вам прислали из укома. И называется он... я сейчас по бумажке воспрочту... Футбол... И играйте им на здоровье, мои дорогие товарищи, юные пиванеры, и если вы, анчутки черномазые, не будете играть, то в городе на вас будут очень даже недовольны.

Покончив с этой многознаменательной речью, Ефим Котофеев вытер полою кожуха пот, облегченно вздохнул и сел на свое место. Мяч перешел из рук в руки, его осмотрели и члены комячейки, и члены сельсовета, и служащие исполкома, и комсомольцы, и сами пионеры. Затем товарищ Оглобля попросил слова и, получив его, сказал:

— Я, конечно, очень рад, что в городе не забывают и нас, но только я препокорно прошу т. Котофеева сделать объяснение, — как в этот мячик играют, зачем он большой и на кой хрен у его кишка из резиновой трубки?

На это т. Котофеев ответил: во-первых, — как в этот мячик играют, — он не знает; во-вторых, на кой ляд он такой большой, — тоже не знает; в третьих зачем в ём кишка — понятия не имеет, а в четвертых — этот мячик ему дали в городе при такой разговорчивости, что дескать в Обалдуевке проживают которые призывные годы, так те понимающие и все объяснят.

Тогда на собрание был вызван Амельян Махорка. Осмотрев мяч, Махорка сообщил, что это есть не что иное, как футбол, что кишка в ем, чтобы в ее дуть, а играть надо так, это скажем вот это — ворота и это — ворота, а тут голкипер, а тут бек, а тут хавбек, а на самом передку форвард и как значит, — хрясь, хрясь! Мячик либо лобом, либо ногою, ррраз, ррраз, ррраз!

Оглянулся Амельян, — видит, — чернильница на бок, окно вдребезги, а одному юному пионеру нос в кровь, — а извините, — говорит, — это я маленько в азарт вошел, — пожалуйста извините.

Пришлось голосование сделать, — на чей счет окно чинить, — на общественный, или Махоркин, и совсем было решили на Махоркин, да тут Амельян и припугнул, что оно конечно он здрасте-пожалуста заплатит, но только кроме его никто футбола не знает и лучше его никто кишку не надует.

Тогда вынесли другое постановление; окно вставить на общественный счет, а Амелька за это повинен обучить юных пионеров игре в мячик.

— Это я с превеликой радостью, — ответил Махорка, — и как только на нашей площади грязь просохнет, так и начнем обучаться.

Услышав это, собрание перевело глаза на Котофеева, — дескать, как в городе рекомендовали, — ждать, когда грязь на площади просохнет, или же на счет грязи Амелька прокатывается, чтобы отвильнуть от платы за разбитое стекло? Тов. Котофеев на это ответил, что в городе ему рассказали все очень доподлинно и распрекрасно и уж если бы грязь препятствовала, так в городе непременно бы на нее указали бы, а то одно лишь спросили, — есть ли у вас площадь и как получили ответ, что есть, так и посоветовали пущай аблизательно обучаются.

После этого Амельяну Махорке было сказано коротко и ясно:

— Все что, мил-человек, дурачки были, да все вышли, а поэтому самому либо плати за стекло, либо ходь на площадь и обучай юных пионеров игре в мячик.

— Что-ж, — ответил Махорка, — будь по вашему. Пойдем, ребятежь!

Пионеры построились в ряды и с пением пионерских песен бодро шагнули в самую середину деревенской грязи.

— Ну, несчастненькие, — сказал Махорка, забравшись почти по колено в грязь, — слухайте мое объяснение.

А после его объяснения попробовали поиграть. Сначала пионерам очень понравилось бегать по грязи и целить ногою в облепленный со всех сторон грязью мяч, но скоро мяч вырос примерно в два раза больше своего прежнего вида и стал до того тяжелым, что никто кроме самого Махорки не смог поднимать его. Тогда учитель на собственный риск и страх объявил перерыв до завтра. Сорок пар маленьких человечков, залепленных грязью, черных до такой степени, что даже сама площадь стала чище их, — еле-еле переводя дух, возвратились в комсомол. А за мячом была выслана специальная экспедиция с носилками.

———

После засушливого мая и июня, июль выдался на редкость дождливым, и каждую ночь дождь лил, как из ведра

В первых числах августа Ефим Котофеев снова был командирован в город с пакетами, при чем ему было поручено узнать в укоме, следует ли играть в футбол только одним пионерам и нельзя ли привлекать к этой крайне полезной игре и комсомольцев?

— Ага! — торжествующе воскликнул секретать укома Жаворонков, когда Котофеев передал ему поручение о футболе, — что я вам говорил! Кто меня упрекал, что я напрасно послал футбол в деревню?

— Знаешь, — спросил он Котофеева, — у вас в Обалдуевке довольны футболом?

— Очень важная штука, — солидно ответил Котофеев, — как, значит; юные пиванеры начали в нее играть, так ребят прямо узнать нельзя! То-есть шелковые стали!

— Смотрите! — воскликнул Жаворонков.

— Здоровый дух в здоровом теле, — изрек профработник Пузырев.

— Так как же насчет комсомольцев? — поинтересовался Котофеев, — играть им в футбол или же не полагатца?

— Пусть играют, пусть непременно играют, — в один голос объявили и Пузырев и Жаворонков.

— Конечно, — продолжал Котофеев, — пиванеры-младенчики и слушаются старших, а комсомолята те скажут: „в программе этого нет“ и не будут играть. Так что секретарь очень просил письменно подтвердить это и с печатем чтоб.

— С наслаждением! — воскликнул Жаворонков и немедленно под его диктовку Пузырев написал письмо в Обалдуевку, в котором авторитетно заверил, что игра в футбол крайне полезна и для пионеров, и для комсомольцев.

С этим письмом Котофеев возвратился в Обалдуевку и оно немедленно было доведено до сведения всех комсомольцев.

———

Через неделю секретарь Обалдуевской ячейки написал в партком частное письмо к т. Жаворонкову, где между прочим имелось несколько строк, повергших адресата в крайнее смущение:

— А за футбол великое товарищеское спасибо. И не только юные пионеры, а даже комсомольцы боятся его как огня, потому, судите сами, все десять минут в этой грязище поиграешь и точно через все село тыщу пудов жита на горбу перенес. И кто только изобрел такое прекрасное средство для воздействия? И где играют в Москве, ежели там все мощеное? И нет ли у вас такого же средства и на случай сухой погоды, когда на площади вся грязь подсыхает?

Евграф Дольский.

ПО ЧАСАМ

Основным недостатком в работе завкомов являются слишком частые смены председателей и секретарей завкомов. *„Труд“.*

Рис. В. Козлинского.

— Кто у нас сейчас предзавкомом?

— Сейчас — не знаю, а утром Евстигнеев был.

ДЕКОЛЬТЕ.

В Италии Миланский архиепископ запретил допускать в церковь женщин, одетых эксцентрично и декольтированных. Для цензуры костюмов образована комиссия из священнослужителей. *(Из газет).*

— Святой отец!..

— Войдите, дочь моя. На вашем лице я вижу смущение... Но бог милостив... Скажите, что вас привело к служителю господа?..

— Ах, отец! Я пришла открыться и облегчить душу...

— Нет греха, дочь моя, который, по благости господней, нельзя было бы омыть покаянием. Откройте уста вашего сердца и говорите через меня с творцом. Что-же смутило вашу совесть? Мирские соблазны? Может быть, вы нарушили верность мужу?

— Ах, нет, святой отец... Благодарение небесам, — я пока еще ограждена от этого греха, так как не имею мужа...

— Может быть, ваша душа отравлена завистью к имущим... Смиритесь, дочь моя... Богач беднее вас в тысячу крат, ибо не внидет в царствие божие... Не скорбите-ж, но радуйтесь мзде на небесах...

— Но, отец мой, дело не в этом. Я имею годовой доход — сто тысяч лир...

— Сто тысяч лир... Дочь моя, но тогда что-же смущает вас? Не раскаиваетесь-ли вы в недостаточном внимании к нуждам храма господня? Вероятно, вы скорбите, видя оскудение и убожество, и воспылали рвением... Говорю вам, нет жертвы, которую не принял бы господь... Разве трудно написать чек?

— Разумеется, не трудно... Вот... я уже написала... Возьмите, святой отец.

— Тысяча лир.. Да благословит вас небо, дочь моя. Я начинаю догадываться о причине вашего смущения: не показалась-ли вам написанная сумма недостаточной для жертвы господу? В таком случае...

— Ах, нет, святой отец... Для бога не ст олько важна сумма, сколько искренность душевного порыва. Не так-ли?

— Вы правы, дочь моя... Но разве бог имел-бы что нибудь против, если-б порыв продолжился, например, до трех тысяч лир? Подумайте об этом дочь моя...

— О! я подумаю, отец мой. Но снимите же прежде тяжесть, угнетающую мои мысли... Правда-ли, что образована комиссия из священнослужителей, с вашим участием, отец мой, — для определения степени приличности дамского костюма?

— Да, дочь моя...

— И вы не будете пропускать в церковь женщин в очень декольтированных платьях?

— Увы, дочь моя. Всё это — правда. Однако, я не замечаю в вашем костюме поводов для опасения: это скромное закрытое пальто...

— Но, отец мой, это, всего лишь — пальто... Под ним имеется платье, отец мой.. А на платье — декольте... Боже, если бы я могла быть уверена, что вырез моего декольте не превысил церковной меры!..

— Чтобы правильно судить, нужно видеть, дочь моя... Во всяком случае, скажите, каков вырез вашего декольте? Открывает-ли оно только шею?

— Нет, нет! Шея, разумеется, закрыта...

— Закрыта?!

— Кружевным воротником, отец мой... Высоким кружевным воротником, упирающимся в подбородок... Вот, смотрите — я расстегну верхние пуговицы пальто...

— Вижу, дочь моя, и удивляюсь. В этом воротнике вы столь же скромны, сколь святая Цецилия, славящая господа... Если таково же продолжение вашего платья...

— В том-то и дело, святой отец... Ах! но разве-ж виновата женщина, которая не хочет отстать от моды!? Я долго думала, прежде, чем выбрать этот фасон... Еще никто не появлялся в таком платье, и я решила остановить выбор на нем. Ах! это так оригинально! Но комиссия, святой отец? Как она взглянет на такое платье?!

— Гм! дочь моя... Чтобы правильно судить, нужно видеть, кроме воротника, продолжение платья...

— Но, отец мой, — в том-то и дело, что... продолжения нет: после воротника начинается декольте...

— Гм! гм! Вот как, дочь моя?

— Боже мой, неужели комиссия не разрешит?! Вы медлите ответом...

— Дочь моя, будем уповать на господа. Сейчас не время, но вечером я прошу вас притти.. Да, да! Вот вам ключ от калитки... Я буду ждать, потому что — видит бог — должен же я, предварительно посмотреть продолжение вашего платья!..

Ив. Прутков.

„ПАТЕНТОВАННЫЙ“.

Фининспектор оштрафовал на 19 рублей крестьянина села Ивановского, Яросл. губ.—за то, что тот помог своему зятю ставить избу и „работал без патента“.

(Крестьян. газ.).

Рис. Ив. Малютина

— Вчерась пошел я в баню, а там фининспектор парится... Потри — говорит, — братец, спину мне,. Ну я и потер.— нешто жалко? А он, одевшись, бумажку тычет...

— Деньги, что-ль?

— Именно, деньги! Штраф десять рублей за беспатентную натерку евонной спины.

СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА

(и проселочную дорогу)

Рис. Б. Антоновского *Текст И. Кузьмича*

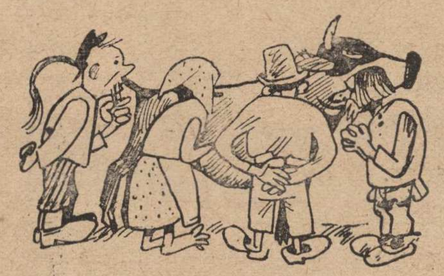
Вопрос о проселочной дороге имеет громадное значение в деле связи деревни с городом, в системе торгового хозяйства („*Известия*")

Рассказать вам сказку про белого бычка?
Вырос бычок у мужичка.

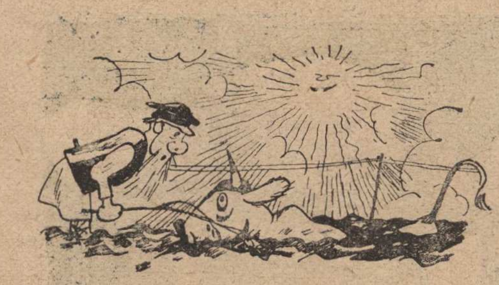
Ну и бычок —
Толстый бочок!

Соседям глядеть — зависть!..
Подошло время на базар весть.

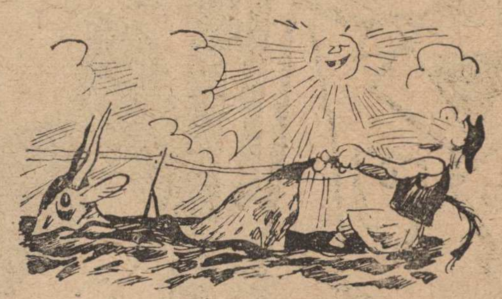
Мужичок бычка гонит,
А бычок, что ни шаг, тонет...

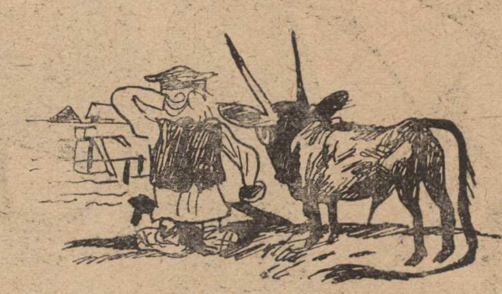
Застрял в дорожке
По самые рожки!..

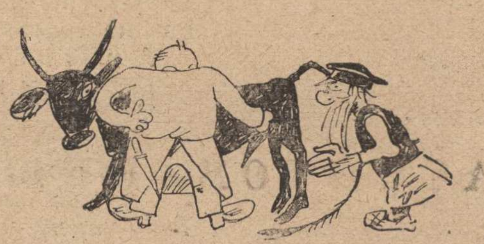
Тянет мужик мотается...
Глядь! — снова лишь хвост болтается!..

Выволок скотину за хвост,
А тут новое горе: — мост!

Либо сто верст обходом,
Либо — вброд, кавалерийским родом...

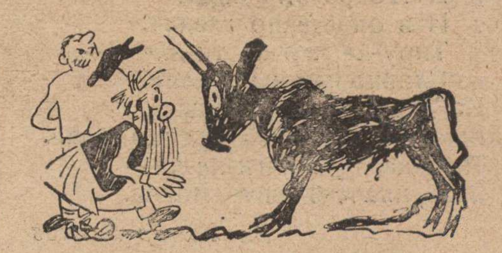
Насилу в город приволок!
Тычет купец скотину в бок.

— „Этакую тощую животину
Возьму, для почину, за полтину".

Инда затрясло мужичка.
— „Чево?! Полтину за белого бычка?!!"

А купец: — „Эк, мужик обалделый!
Гляди: нешто он БЕЛЫЙ?!"

НА ВЫСОТЕ

В магазине Богородско-Шелковского треста и в кооперативе шелковских фабрик нет красной материи, несмотря на огромный спрос со стороны организаций.
Правда, № 175.

— Красная материя есть?

— Красной, извините, нету. Цвет электрик можем рекомендовать. Опять же оливковый с отливом. По теперешнему времени оливковый с отливом очень даже берут.

— Нам, товарищ, для знамен...

— Для знамен — действительно — оливковый с отливом расположения не имеет. Знамена хорошо из красного, а буквы по ним белые: „вся власть советам" или иное что. А то прикажите наоборот...

— Наоборот?

— Именно-с. Знамя белое, а буквочки красные. Сочетание то же с, а четкости даже больше.

— Буквы хорошо по красному золотые.

— Можно и красное с золотым наоборот.

— Материю, что-ли, дадите золотую?

— Зачем золотую? Материю желтую дадим. Желтое всегда заместо золота хождение имеет. А буквы по ей красные. Очень даже революционно получится!

— Хороша революция! Желтые знамена! Что-же мы, амстердамцы, что-ли?

— Тогда белые прикажите. Знамена белые, а надписи красные...

— Хватил! Деникина славить, что-ли, с белыми знаменами?

— С какой стати Деникина? Вы насчет Деникина, товарищ, полегче. Тут не частная лавка, а, извините, кооператив.

— А ежели кооператив, почему у вас красной материи нету?

— Зато оливковая с отливом есть. Ежели вы сознательный гражданин, то вы лучше в кооперативе оливковую возьмете, нежели к частному купцу за красной лезть.

— Так нам для знамен...

— Для знамен! А знамена для чего? Для революционной сознательности!

— Это верно...

— То-то, что верно. А революционная сознательность в чем выражается? В поддержке кооперации-с! Вот! А вы к частному торговцу в лапы лезть хотите! Революция! Завернуть вам оливкового с отливом, что ли, а?

Мелитон Шишкин

НА РЫНКЕ

— Э, да яйца, тетенька, тухлые! Гляди, как болтаются!

— Скорлупа велика, вот и болтаются. А яйца — сейчас из-под кур.

НЕ „ГРАД", А ГОРОДОК!

По постановлению городского совета, бывший женский Иверский монастырь преобразован в рабочий городок.
„*Правда*".

Свершило время перемену:
Без воздыханий в потолок
Мы „граду божьему" на смену,
Рабочий строим городок!

ЯПОНО-СОВЕТСКОЕ

— Теперь, кажется, одни только косоглазые японцы на нас все еще косо смотрят.

— Оттого у них и глаза разбежались: и на Сахалин, и на Приморье, и на Камчатку.

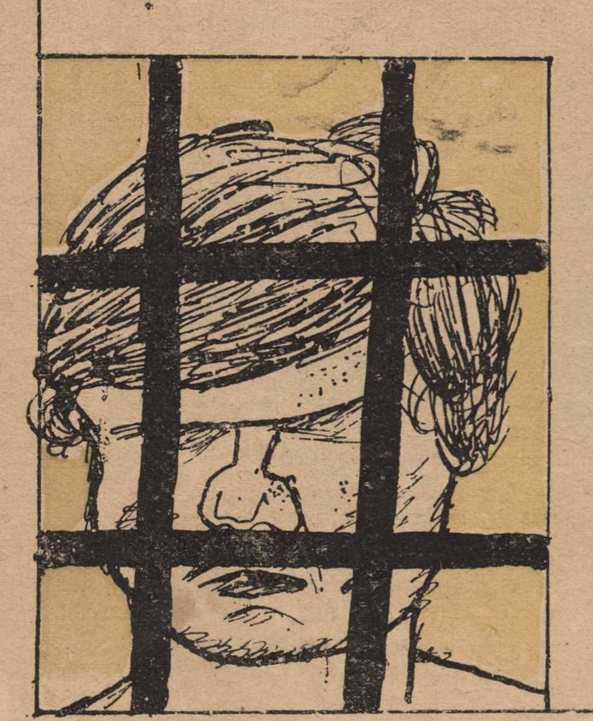
ТПРУ-КА, НУ-КА, ТИ-ЛИ-ЛИ

Рис. В. Козлинского *Текст В. В. Воинова*

За заставой Ванька жил,
Не работал, не служил.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Приспособить не могли.
Ну а Танька—тоже клад:
Не деваха—мармалад!
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Тятька с маткой подвели.
Ваньке было двадцать лет.
Ваньку звали „Ванька-Шкет".
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Звать иначе не могли.
Ну а Таньку, хошь-не-хошь,
Величали „Танька-Клеш".
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Имена приобрели.
Ванька вечно начеку,
Финский ножик на боку.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ваньку где-то стерегли.
Ну и Таньку, „Таньку-Клеш",
Голой лапой не возьмешь.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Подле Таньки не юли.

Ванька парится в пивной,
Ванька к вечеру хмельной.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Раз не трогают—вали.
А на Таньку был донос:
Кокаином пудрит нос.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Подглядели—донесли.
Ванька в нынешнем году
С Танькой встретился в саду.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Липы здорово цвели.
Ванька Таньку полюбил
И немедленно избил.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Еле Таньку отвели.
А она его в лицо
Обругала подлецом.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ванька с Танькой—короли!
Дескать, милый, золотой,
Жди-мол в рожу кислотой.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
А мозгой пошевели.

Милицейский увидал
И подумал, что скандал.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ваньку с Танькой замели.
Сняли с пальчиков портрет
И сказали—это „Шкет"
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
За решетку отвели.
А у Таньки в этот год—
Восемнадцатый „привод".
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Таньку тоже отвели.
И теперь они сидят
И в окошечко глядят.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Словно раки на мели.
На душе моей печаль:
Ваньку с Танькой крепко жаль.
Тпру-ка, ну-ка, ти-ли-ли—
Ведь, иначе-б жить могли.

Владимир Воинов

ПОДХОДЯЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Рис. А. Радакова

Население ряда деревень Шарапанского уезда ходатайствует о закрытии церквей и открытии в них кооперативных лавок *(из газет).*

— Это что-ж, милый, хвост-от? За свечками?
— Кто за свечками, а кто за керосином...

ДЕТСКИЕ ПИСЬМА.

(Материалы для историка).

1914 г.

Дорогое „Задушевное Слово"!

Мне восемь лет, и у меня есть собачка Тобик и кошечка Мурка. Есть-ли еще у кого-нибудь тоже собачка Тобик и кошечка Мурка? Больше всего мне нравятся повести Чарской. Кроме того, я получил на именины заводной автомобиль, которое колесо совершенно отскочило. Отскочило-ли еще у кого нибудь из подписчиков колесо?

Петя Пряничников, 8-ми лет

г. Царевококшайск.

Милая Танюша Кобызева!

Я очень рада познакомиться с тобой и вести переписку через наш журнал „Задушевное Слово". Меня зовут Лялей. Мне девять лет и я занимаюсь с гувернанткой, m-lle Грюо. Я много читаю, шью для куклы и очень люблю фисташковое мороженое. Так же придумываю стишки. Посылаю тебе в альбом:

Будь всегда мила прекрасна,
И послушна уж всегда.
Все тогда тебя полюбят
Уж наверно навсегда.

Нравятся-ли тебе мои стишки?

Ляля Огурцова 9-ти лет

Великие Луки.

1924 г.

В редакцию „Известий": (№ 167 от 24 июля).

Сегодня в 3 часа дня в сквере храма Христа спасителя был избит мальчик сторожем сквера, что палка сломалась конец палки у мамы его.

Настя, Соня

Москва.

В юные пионеры. Очень нужная.

Сопчаю, товарищи, что мамка у меня, будучи кулацкий елемент, торгует барахлом на рынки, я ей толкую, но без последствий, а кроме всего дергает за ухи, с чем я конечно не согласен и прошу принять меня в юные пионеры, как Ваньку и Аришку. Всегда готов!

Писал Егор Сапунов. Ленинец

Ленинград.

В деревню Кузьмиху

Колька! Зачем ты уехал в деревню? У нас шибко весело. На праздник даже возили на втомобили. А песню мы пели все, и я пел. „Эй, буржуй, ставай с постели, открывай пошире двери. Во! и больше ничего"... Умеют ли эту песню ребята в деревни? Напиши. У нас народилась девченка, очинно махонькая. Вчерась октябрили в клуби нарсвязи, так что я теперь обязан поддерживать сестру Нинелу, для борьбы с капитализма твердой мозолистой рукой. Обязательно приезжай к осени в нашу школу.

Твой пионер Иван Ступкин

Свердловск.

Собрал Ив. Пр.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ГУСТАЯ ЗАКВАСКА

Пудов десять, — не больше заквасил Антипов. „Рабочий Путь“ говорит уверенно, что не больше.

Ну, хорошо! Поставил в яме, в лесочке. Говорят люди: от глаз в стороне лучше всходит, спокойней.

Ну, хорошо! Пасся бычок — тоже антиповский, отцовский, значит.

Пришел бычок, слопал закваску да питье и околел, сукин сын, — слова не сказал.

Увидел Антипов и давай жену по зубам обучать: зачем не доглядела? В бога, в веру, в закон!

В больницу.

Приехал отец. Давай Антипова кнутовищем по морде.

— Верни бычка!

Кнутовищем, у кого морда просторная, много бить можно. А вот Антипов схватил полено, да отца по башке: верни закваску!

А поленом много не набьешь, — раз ударил и лег старик.

Сидит Антипов, огорчается: и закваски жалко, и бычка жалко, опять же и жену жалко, да отца тоже! Эх, беда!

Ничего, — пришел сосед, успокоил.

— Не горюй, Антипов! Мы тут силки поставим, ям накопаем. На дохлятину небеспременно волка потянет или лисицу. В накладе не будешь.

Ну, хорошо. Пошли они с соседом, силков наставили, ям накопали. Выпили, конечно, чтоб для правильности.

Выпили, лежат, ждут. Потом пошли поглядеть.

Ах-ти, беда! Какой волк? Какая лиса? Корова, соседская же корова на бычка пошла, на дохлого, доела остаток закваски, да пьяная в яму свалилась и хребет поломала.

Потому самогонная закваска — она не для коровьего желудка.

Эх, и схватились же соседи! Эх, и было же бито в этот час. Прямо, до больших степеней морды ломали, до больших степеней!..

А вы вот говорите, что его в сторонке гнать надо.

Нет, уж, извините. Мы — на дому. Только у себя. *Виктор Ф.*

ЛИПОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Корреспондент из Липецка отмечает существенное улучшение в делах местной страх-кассы.

Судите сами.

В мае липецкая страх-касса находилась в необычайно тяжелом положении. Она должна была выплатить по разным видам социальной помощи *9.000 р. а у ней было в наличности 8 руб.*, всего на всего 8 рублей.

В июне, в момент обследования, страхкасса *находилась в лучшем положении;* она *имела в наличности 62 рубля.* А должны ей были свыше 30 тысяч рублей основных, взносов и пени — 21 тысячу рублей.

Через каких-нибудь пятьдесят лет наличие возрастет до... может, быть, — шутка ли сказать?!.. — до 100 рублей. А пени будет выражено кругленькой суммой: 17500000000000000000 рублей.

Останется только — собрать пени и зажить припеваючи.

В МОСКВЕ, НА БИРЖЕ

Ужасные, роковые цифры.

Спрос: пшеница нат. 128 зол., до 30.000 п., овес натур. 76 зол., 4.000 пуд.; ячмень пивной 100.000 пуд.

Предложение: ячмень пивной 40.000 пуд.

Не пора ли, по пивному ячменю, причислить Москву к голодающим районам: шестидесяти тысяч пудов не хватает!...

МАТУШКА-ПРОВИНЦИЯ.

Провинция также, как и столица, работает над „изысканием новых предметов обложения“. В № 68 „Вятская Правда“ объясняет, как это делается:

„Губкоммунотдел проводит перенумерацию домовладений. С дома редакции однажды утром исчез нумерок. Завхоз пошел в губкоммунотдел.

— Нумерочек-бы...

— 46 копеечек,—пожалуйста.

Завхоз почесал затылок: *ему подали содранный накануне с дома редакции номерок*“..

Есть анекдот про цыгана, который снял с сонного солдата казенные сапоги и продал их ему-же... Неужели времена *не* меняются и мы *не* меняемся, вместе с ними?

ЧУДЕСА КООПЕРАЦИИ.

По сообщению газ. „Труд“, Ялтинский кооператив „Товарищ“—

открыл столовую, доступную для всех, с большой скидкой для членов и *отпускал 500 обедов ежедневно*, в значительной степени *умерив аппетиты частных предпринимателей.*

Замечательный случай: обедали одни, а аппетит уменьшался у других.

НЕ В ТО ГОРЛО...

Трагическая история произошла в Бийске

„Во время отлучки гр. Булгакова к его аппарату самогонки подошла корова и выпила около 3 б. самогона. Корова опьянела и бросилась на улицу, по пути выбила у бани окно, а на улице как бешеная кидалась на людей“.

(„Звезда Алтая“).

Человек, который, опьянев, впадает в скотское состояние и валится с ног,— это не ново. Но... очеловечившаяся корова?! Это жутко, это невиданно!... Ей, бедняжке, и свалиться вдвое тяжелей. Потому что—на четырех ногах.

НЕ ПО СЕНЬКЕ КЛИЧКА.

По словам газеты „На Вахте“ (№ 175)—

На р. Шексне работает команда парохода „Бухгалтер“ на землечерпательной машине. Как известно, за праздничные дни полагается платить в двойном размере; но команда „Бухгалтер“ даже и в ординарном не получает. Работает 30 дней, а платят за 24.

Хорош „Бухгалтер“! Да этакого „Бухгалтера“ в два счета надо в „Младшего Счетовода“ переименовать! В порядке переквалификаций.

„ПО УСАМ ТЕКУЩЕЕ“.

„Тверская Правда“ печатает заявление шестидесятичетырехлетнего гражданина:

В Весьегонский Укомол РКП.

Гр-на гор. Весьегонска (имя, отчество, фамилия и адрес полностью).

Заявление.

„Прошу Весьегонский Укомол РКП принять меня в партию комсомольцев, так как я (фамилия) никакой религии не признаю, так же и бога и в церковь не хожу три года. Вследствие чего и прошу меня похоронить, как комсомольца, поручителем за меня могут быть тов. Фурдман и Петров.

В чем и подписуюсь гр-н г. Весьегонска (подпись).

Не правда-ли, смешно? Особенно, смешно до слез попам. Как-же! Мимо носа заработок проходит. Безобразие!..

САБСКАЯ СВЯТАЯ.

Святая не совсем обыкновенная: — с хвостом.

(Кингисеппский уезд).

12 июля в дер. Сабск праздник. В этот день никто не должен работать... Почему? А вот почему.

12 июля 1915 г. у нашей поселянки Филипповой сдохла от кровомочки корова.

Мужички всполошились:

— А вдруг болезнь распространится?..

Пошли к попу. Тот велел собрать всех коров, построить их в две шеренги и пропустил „сквозь строй“ икон и хоругвей.

Затем отслужил молебен и дал богу обет ежегодно этот день праздновать.

Так и празднуем ежегодно память издохшей коровы!..

На то и живые ослы в Сабске, чтобы праздновать память издохшей коровы.

ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО

В № 10 „Смехача“ мы отметили, как в Грозном на нефтеперегонных заводах выдают рабочим ненужные очки, а теперь в „Правде“ (№ 164) читаем иного сорта сообщение:

Кочегары на ф-ке „Розы Люксембург“ (Вязниковского уезда, Владимирской губ.), работают на каменном угле. Когда они шуруют, уголь накаливается до бела и сильный свет *крайне вредно влияет на глаза рабочих*. Кочегары давно просят очки, но фабричная охрана труда уверяет их, что очков даже в Москве не найти.

И неужели верят? Тогда выходит, что вера-то у рабочих слепая. Ослепнуть от такой веры можно!

БОЛЬШОЕ ДЕЛО

В Ленинграде, по сообщению „Кр. Газеты“ слушается дело Северо-Западных ж. д.

На скамье подсудимых 129 человек.

Считая в среднем на каждого подсудимого по аршину занимаемого места, мы получим длину скамьи около 45 сажен!

В виду того, что зал более 400 чел. не вмещает, вход на заседания по билетам.

Хорошо еще, что зал вмещает больше 129 человек, а то пришлось бы впускать и подсудимых по билетам!

РОМАН В ВЫВЕСКАХ

Глава первая

Этажей на восемь домик:
Час потратишь на объезд!
Буквы вывески в истоме
Сочетаются в

ДЫМТРЕСТ

Глава вторая

Потолки покрыла лепка:
Нимфы, роща и сатир...
Касса, сделанная крепко,
Столик с надписью:

КАССИР

Глава третья

В три часа кассир шел к дому,
Сунув руки в галифе.
Вдруг повеяло знакомым
С яркой вывески

КАФЕ

Глава четвертая

Сел кассир к девице Зине
И потом уж заодно
Очутился в магазине,
Где висел плакат

ВИНО

Глава пятая

Счастье стал он пить запоем
(В кассе деньги брать — не труд!)
Ну, и вскоре под конвоем
Прочитал кассир:

НАРСУД

Глава шестая и последняя

Любит жизнь шутить со всеми,
Угнетенными трудом:
Наш герой присел на время
Под пометкой:

ИСПРАВДОМ

К. Шелонский

ЗАГАДОЧНАЯ ПОСУДА

Рис. Ив. Малютина

В деревнях УССР., в виде опыта разрешена свободная продажа денатурата для согревания, освещения и технических надобностей. В связи с этим, кооперация направила в деревню бо́льшие партии примусов и спиртовок. Денатурат распродан. Примусы остались. *(Из газет).*

— На якого биса воны при денатураке оцю посюдину всучают?! Хиба-ж його прямисенько из бутыля пити не можно?

СЕТКА

„Следует отметить, что наиболее аккуратными плательщиками членских взносов являются рабочие с низким заработком".

Ежемесячно день, следующий за выдачей жалованья, оставался в памяти секретаря месткома, Чиркина.

В этот день полагалось платить членские взносы.

Трестовский швейцар Михеев — третий разряд без сверхурочных — встречал Чиркина у подъезда:

— Ардальон Ардальоныч, возьми ты с меня этот взнос-то членский. Боюсь — в штанах дыра — не выпали бы деньги то. вот уже второй час в кулаке его держу.

Не успевал Чиркин сесть за стол и протереть носовым платком очки, как являлась сухонькая бабенка - уборщица — четвертого разряда — Дьяченко:

— Товарищ Чиркин, примите с меня членский взнос... Да вы об стол - то не звякайте деньгами. Сама на зуб пробовала вперед, чем вам дать.

С десяти часов густо шла плотва: пятый и шестой разряды

Ленинцы — больше из пятого — тянули деньги и говорили коротко:

— В порядке профчленства, примите деньвзнос.

Седьмой разряд — конторщики — разговаривали:

— Ардальоша, — говорил толстый Лебедев, — люблю я тебя, друг. Сделай мне одолжение: прими пока пол взноса. Понимаешь, вчера чебурахнули, то да се...

Машинистки шли к одиннадцати:

— Ах, гражданин Чиркин, вы опять с этими взносами! У нас секретарь даже обижается: вы, говорит, времени много отнимаете. Позвольте, я распишусь... Понимаете, мне надо было чулки купить ажурные, в клетку... А вы не читали, гражданин Чиркин, нового закона о браке? Говорят, кто аккуратно вносит членские взносы... Впрочем ведь вы этим не интересуетесь...

К двенадцати у Чиркина было пусто. Чиркин пил чай и знал, что с десятого сами платить не придут. Секретарь — десятый — делал всегда кислое лицо, увидев Чиркина и начинал усиленно работать пером. Чиркин с минуту стоял около него и, тронув за плечо, говорил:

— Сергей Игнатьич, сегодня время взнос платить.

— А? Я плохо слышу на левое ухо.. Пройдите сюда. Присядьте, я сейчас кончу...

Двенадцатиразрядники, откинувшись на кресле, говорили с Чиркиным долго и упорно. Чиркин, стоя, слушал.

— Нет, докажите мне, чем индивидуальное взимание лучше марочного? Во всех культурных странах... Кроме того ВЕПЕ постановил... Вы глубоко по существу заблуждаетесь...

В пять часов Чиркин, хлопнув для храбрости два стакана крепкого чаю, шел к заву. Прождав час в приемной, Чиркин слышал в ответ:

— Что?! Опять какие - то взносы?! — зав говорил трагическим голосом. — Ну, откуда я возьму? Сколько? 1 руб. 19 коп. Что у меня монетный двор, что ли? Нне понимаю... Здесь рубль, там рубль... А потом говорят, откуда накладные расходы? Уддивительные люди! — зав. разводил руками. — Хорошо, как будут деньги, я пришлю.

К вечеру платил секретарь, через день — помы, через неделю присылал взнос зав. Чиркин, разминая ладошкой полученную от зава рублевку и 15 копеек, говорил:

— Спец - то, спец. А бумажку - то оборванную прислал — без номера. Придется в банк итти.

И безропотно доплачивал за зава недосланные 4 копейки.

В. Тоболяков.

О НАРКОМЗДРАВНЫХ НЯНЬКАХ

В 1-й Ленинградской больнице даже тяжело больные и оперируемые, не имеют за собой почти никакого ухода, если предварительно не сговорятся об особой плате с нянями. Последние дерут за день по 5 руб. и т. д.
„Правда".

Широка, почтенна слава
У Семашки, Наркомздрава!
Отчего же он не взглянет
Вглубь больниц, хотя бы косо?
У семи подобных нянек
Даже взрослые — без носа!!!

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

— Чего ж вы радуетесь, раз говорите, ваш брат под сокращение попал?

— Да ведь под какое: срок заключения на половину сократили!

ОГОНЬ И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

— Вы знаете, я прошел четыре чистки: партийную, профсоюзную, совслужащую и, наконец, сейчас безработную...

— Ну, и что же?

— Ну, и ничего: везде вычистили.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

— Ваш долг, товарищ, состоять в кассе взаимопомощи.

— Но мой долг уже и так второй год состоит в кассе взаимопомощи.

СИРОТА ГОРЕМЫЧНАЯ

Рис. Л. Бродаты.

Германии было обещано участие в Лондонской конференции союзников. Но ее пригласили только расписаться...

Ливрейные лакеи (Макдональд и Эррио): **Обожди, старуха. Сейчас вынесем от барина лист, а ты распишись: претензиев-мол не имею...**

ОТДЫХ

Неумелая организация массовых экскурсий вызывает справедливое недовольство хозяйственников, так как такие экскурсии только утомляют рабочих.

Предфабком и завкультпросвет обсуждали программу.

— В 7 часов утра посадка в вагоны.

Завкультпросвет вытаращил глаза.

— В вагоны? В душные, тесные вагоны, когда кругом травка, лес и аромат полей?.. Да что вы, товарищ?!. Пешком, обязательно пешком! Стройными колоннами, впереди оркестр, в середине хор, понимаете? Красота!

Завкультпросвет взял карандаш.

— В 5 часов утра выступление за заставу. Понимаете, утренний холодок, роса и все прочее. На пятой версте осмотр дворца. Лекция. На седьмой совхоз — осмотр, лекция. На десятой—стоянка. Купание, лекция. Массовые игры, лекция. Спортивные состязания, лекция. Массовые гимнастические упражнения под музыку, лекция. Обратное шествие в город с зажженными факелами, лекц... впрочем, тут можно ограничиться краткой финальной речью.

Рано утром в воскресенье, по тихим улицам, среди недымящихся фабричных труб, двинулись за город. Оркестр загремел бодрый марш. Невыспавшиеся экскурсанты зевали и перекидывались сонными шуточками.

— До чего веселая компания подобралась, прямо ртов не закрывают... Гляди, челюсти не свихни!..

На шоссе, взбудораженная сотнями ног, взлохматилась серая пыль, повиснув туманом над головами.

— Хорошо это, товарищи, на заре пыль нюхать... В ноздре это чекочет, а бабам даже двойное удовольствие — пудриться не надо.

— Товарищи, сходи на тропинку!

Ряды раскололись. Перепрыгивая через канаву, потянулись длинной беспорядочной лентой вдоль дороги. Навстречу то и дело громыхали автомобили, обдавая тучами долго не улегавшейся пыли. Потом попался конный полк красноармейцев.

— Надо, товарищи, приветствие махнуть. Да здравствует красн...

Тут серые клубы пыли хлынули во рты и заткнули глотки. Почихали, посморкались. На носовых платках оставались грязные черные пятна, будто на небе светило не яркое солнце, а коптела маленькая керосиновая лампа. Густая крапива в придорожной канаве и чахлые от засухи кусты ольховника стояли, покрытые серой пеленой.

— А зелени-то, зелени!.. Глаз не оторвать, до того превосходная природа вокруг.

— Чего треплешься?.. А это тебе рази не зелень?

— Верно, товарищи, гляди, столб зеленый стоит!..

— Поглядь краску-то, поглядь, может обсохла. Дай, я щекой приложусь.

— И как это он растет тут, товарищи?..

На пятой версте свернули к дворцу и долго перлись в гору. Осматривали скучно, нехотя бродя по затхлым залам.

— Сначала пылищей потчевали, теперь княжескую тухлятину нюхать привели. До ужасти пользительные эти вещи, товарищи.

Потом расположились на лужайке слушать лекцию. Голос лектора доносился слабо, слов не разобрать.

— О чем это он, товарищи, надрывается?

— А кто его знает, кричит человек, а что — неизвестно.

Развязали кульки с провизией, растянулись на травке.

— Эх, приятственно полежать на лоне природе!

Когда лектор кончил и нужно было выступать дальше, многие сладко похрапывали, уткнувшись носом в ромашку. Пришлось будить.

— Давай гудок! Эй, дрыхалы, вставай на работу!..

С красными отпечатками на щеках подложенной во время сна пятерни вышли на дорогу и заэкскурсировали дальше.

Утомившиеся музыканты закинули трубы за спину.

— Вот так фунт!.. И музыка скисла.

Пробовали запеть хором, но начатая песня шлепнулась вниз, как подбитый ветром мотылек.

— Хорошо поем, только резонансу нет, кумпол низкий.

Побрели молча. Бойко сновали по шоссе автомобили, ловко шмыгала в ноздри юркая пыль. На седьмой версте, в совхозе, долго водили по опытным полям и что-то объясняли.

— Ишь, объяснение пустили.

— Пустить-то пустили, да, кажись, мимо ушей.

Решили было расположиться тут же на стоянку и не итти к чертям на кулички, но многие запротестовали.

— Что вы, товарищи, целых две жидкости упустили!..

— Какие еще жидкости?

— Первая — озеро, а вторая — воз пива, вчера еще отправили.

Жидкости потянули магнитом. Потащились еще три версты. Солнце жарило во все лопатки, раскаливая воздух полной нагрузкой и обрабатывая экскурсантов. Потные, вялые, с посеревшими лицами приволоклись к озеру.

— Выколачивайся, товарищи, от пыли, вытряхивай ее, гадину!..

Искупались в озере и ободрились. Тут подвезли пиво.

— Чудесно пивка на травке хлобыснуть, очень распрекрасно!..

— Отчего оно такое теплое, товарищи? Кипятили его, что-ли?

— Это, видишь, сидели на нем всю ночь, чтоб не украли.

Накинулись на пиво, расхватали и, разомлевшие, скинув сапоги, плюхнулись на траву под кусты спать.

Предфабком и завкультпросвет пытались поднять экскурсантов.

— Товарищи, сейчас игры будут, состязания...

— Какие тут игры!.. Довольно, насостязались, все пятки протерли.

Вечером вразброд потянулись на станцию и до поздней ночи злобно брали с бою переполненные дачные поезда. Мускулы и кости ныли, как побитые палкой.

Факелы поехали багажем.

В понедельник одна половина не вышла на работу, а другая, зевая, устало проболталась рабочий день у станков.

К. Мазовский

СОЛНЦЕСТИЛЬ

В захолустных местах и на перегонах продолжительность рабочего дня не соблюдается из-за отсутствия указаний времени, кроме солнца.

Рис. Н. Радлова. *(„Гудок").*

— Какой, говоришь, завтра праздник-то?
— Затмение солнца... Потому, значит, и работы не будет.

СВОБОДНЫЕ РУКИ В ПОЛИТИКЕ.

Одного видного дипломата спросили, как немцы могут подать свой голос на конференции, если им зажали рты.

— Простите, ответил дипломат, мы им оставляем свободные руки по всем тем вопросам, какие будут вырешены союзниками.

— С какою целью?

— Чтобы они могли под ними подписаться!

ФРАНЦУЗСКАЯ БОЛЕЗНЬ.

— Я считаю, что Лондонская конференция неизлечимо больна у нее—рецидив французской болезни.

— Однако, наука так шагнула вперед, что конференции все же удастся остаться с носом!

О МАЛЬЧИКЕ В ТРУСИКАХ И МАЛЬЧИКЕ В ШТАНАХ.

Солнце... Солнце... Солнце... Полная нагрузка летом,
Никаких сверхурочных, а работа—за совесть!
Послушайте, согретые солнечным светом,
Простую и краткую советскую повесть —
О солнце августа, о живых временах,
О мальчике в трусиках и мальчике в штанах.
По пыльной дороге,
За рядом—ряд,
Ловя улыбку и хмурый взгляд,
Голые ноги
И зычный рог —
Тысячи ног,
Юнец на юнце, при юнце—старшем,
Проходят стремительным маршем.
От солнца смуглы, от пыли серы
Пионеры!
Прямо по мостовой, отливая бронзою шей,
В трусиках синих — ватага голышей!
А рядом, на краю панели,
Где сгрудилась на момент человечья случайная каша,
Где глаз глядящий зорок, не слеп,
Остановился прохожий Нэп,
Весь—ужас, тоска и одышка;
Справа—папаша слева—мамаша,
А посередине—сынишка.
Папе не нравится, мама кипятится:
„Как же это—в столице, среди бела дня—
„Толпа голышей? И что за зверские лица??
„И что бы сказала на все заграница???
„Федя, не ерзай, держись за меня!"...
Покамест, оглохши от детского гама,
Папаша с мамашей прятали „Ах,"—
Под солнцем полудня надвинулась драма:
Мальчика в трусиках увидел мальчик в штанах.
Среди прочего голоштанного народа—
Товарищ Петька, папиросник в отставке,
А ныне пионер шестого взвода!!
Голова - вихрастая редька,
Глазишки сверкают лучисто...
Узнал, кивнул, улыбнулся:—катись к нам, Федька!
И на месте Федькином чисто.
Как ни искали папа и мама,
Не нашли белоштанного Феди—
Исчез, смылся, превратился в прах...
Но шагали вместе, под гром оглушительной меди,
Мальчик в трусиках и мальчик в штанах!..

Александр Флит

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

„КАК ВЫЯСНИЛОСЬ"...

Перед нами—вырезка из Екатеринбургской газеты „Уральский Рабочий" и копия плана г. Екатеринбурга, спешно доставленные напуганным читателем „Уральского Рабочего".

Читаем вырезку:

> На углу улицы Карла Маркса и Сибирского пр. обнаружен труп неизвестного мальчика.
> Как выяснилось, мальчик купался в реке и по неосторожности утонул.

Ах! Это не первая жертва неосторожности и недосмотра взрослых...

Но, если всмотреться в план, так жертва-то, выходит, первая. Потому что, несчастье произошло *на углу не пересекающихся улиц*; и в том месте, где утонул несчастный мальчик,—*нет и не предвидится* в ближайшем будущем *реки*...

ПЬЯНЫЙ ВЕТЕР.

Не повезло с рекой и Московским „Известиям"...

I. Новое в хозяйстве.

> *За Коломенским заводом, где серебряной стрелой Ока впадает в Москва-реку,* зеленеют травяные поля. Трава в полях высокая и шелковая, бродит в травах пьяный ветер. Щекочет дурманом и полынью.

От дурмана, полыни и пьяного ветра корреспондент „Известий" впал в расстройство и перепутал реки: которая—куда впадает...

Отсюда очень кстати вытекает мораль:

— Долой пьянство!

ПОСЛОВИЦА В ЖИЗНИ

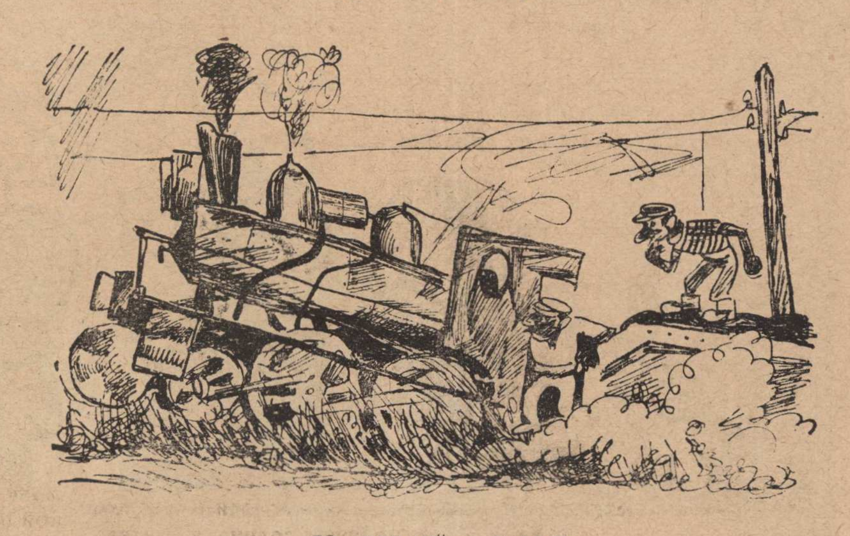
Точно зверь пробирается поезд по перегону *Суковино-Косторное Юго-Восточной.* Пути заросли по пояс травой.

„Гудок"

Рис. Б. Антоновского.

что „русскому" здорово, —

то „немцу" — смерть.

ПО ТУ СТОРОНУ ЖИЗНИ

Есть ли загробная жизнь?

Спросите коммерческий отдел заводоуправления „Красного Октября" (Царицын), и он радостно воскликнет, придвигая к вам книгу:

— Конечно же есть! Извольте заглянуть в наш исходящий...

Вы заглянете и воочию убедитесь в существовании не токмо загробной жизни, но и хорошо налаженной коммерческой связи с потусторонними обитателями.

„Счет умершему рабочему"

> Коммерческий отдел счет № 7916. 17/VI — 24 год.
> Рабочему листопрокатного цеха Богачкову.
> Дирекция завода „Красный Октябрь" просит внести в кассу завода наличными деньгами руб. 3 — 36 коп., на уплату за гроб большого размера, изготовленный для вас.
> *Следуют подписи.*

Читатель!

Убедительно просим: дерните нас за коллективный „Смехачевский" нос — не спим-ли мы, не снится ли нам эта чертовщина?!.

ОБ УЖАХ

Ужи — очень распространенные животные.

Ужей, как известно, очень любят начинающие поэты.

Но никто до сих пор не думал в серьез, что в ужа может влюбиться женщина и выйти за него замуж!

А между тем вот что написано на кресте одной могилы в Рязани:

> Здесь лежит мой муж,
> Он был женатый уж
> Когда туберкулез
> Его от нас унес
> Уж осталось недолго ждать
> Когда мы встретимся опять

Это сообщение делает вклад в науку о возможности заражения ужей туберкулезом.

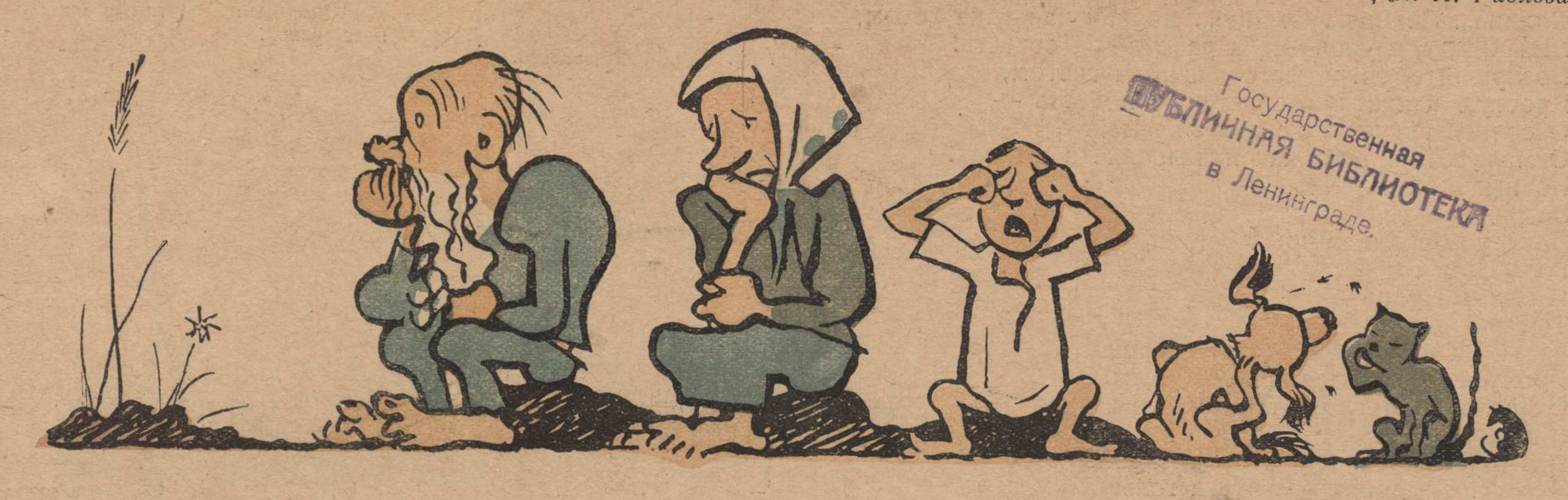
И на этом спасибо!

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

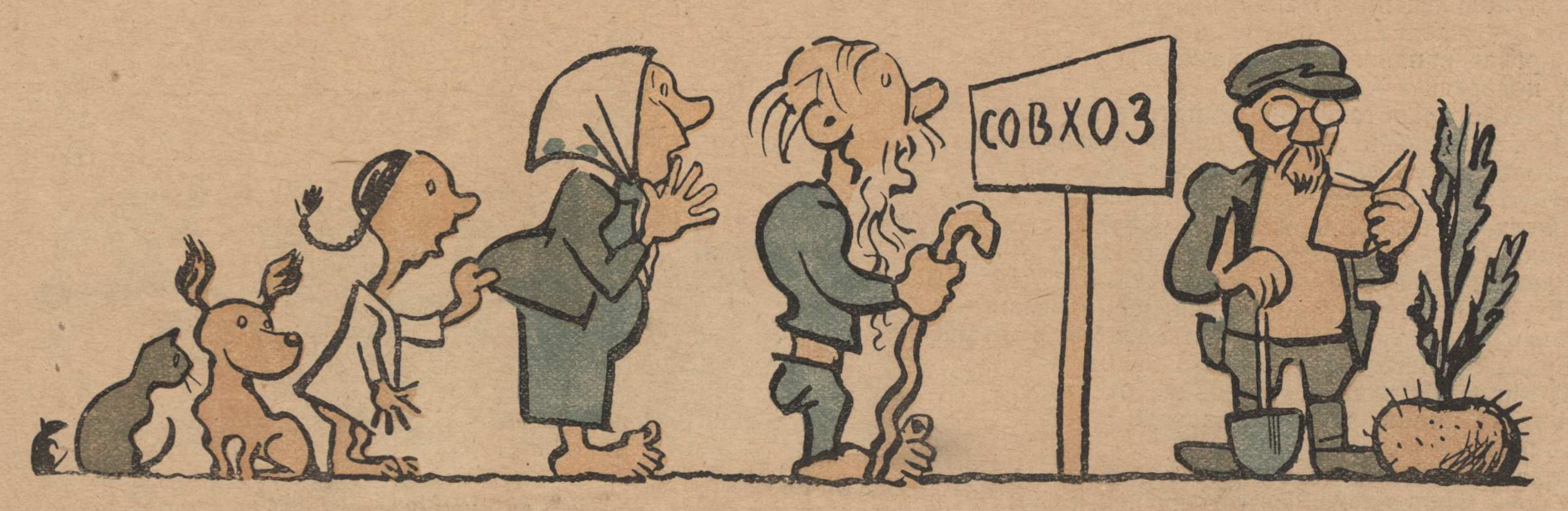
Ленинградский гублит № 11984. Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград, Международный, 75. Тираж 50.000 экз.

Репка

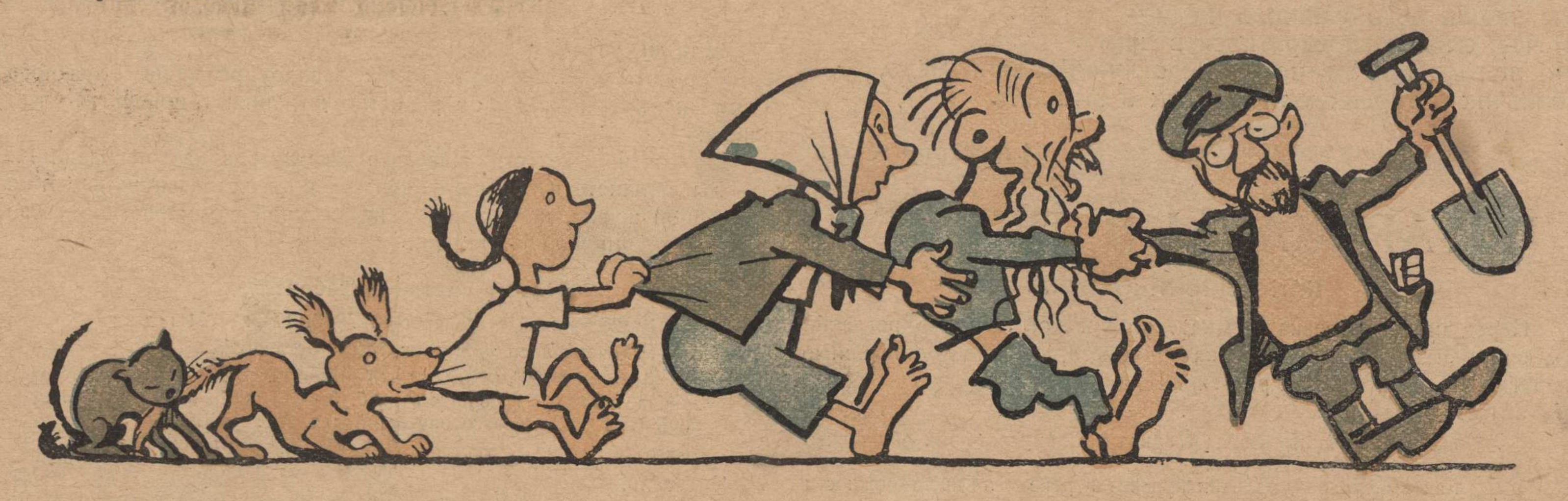
Рис. Н. Радлова.

Посадил дед репку. Пришел тянуть из земли, а тянуть-то нечего: неурожай случился... Позвал дед бабку, бабка — внучку, внучка — Жучку, Жучка — Машку, Машка — мышку. Сидят и плачут: известно, есть — охота, а есть — нечего!..

А в совхозе — на диво урожай! Что за история?! Пошел дед в совхоз, за дедом — бабка, за бабкой — внучка. и все прочие едоки.

Стали тащить: мышка — за Машку, Машка — за Жучку, Жучка — за внучку, внучка — за бабку, бабка — за дедку. дедка — за агронома. Тянут — потянут: — „Пожалуйте, товарищ!“

Посадили агронома в огород. Агроном посадил репку. Выросла репка большая-пребольшая. А только это в сказке так, а на деле иначе: до сей поры тянет мужик, не агронома тянет, а канитель. Чего тянуть?! Иди скорее—зови агронома.